

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Бунин — предисловие *К. Г. Паустовского* 3

I

В деревне	21
Кукушка	28
Деревня	45
Пост	163
Косцы	166
В некотором царстве	171
Неизвестный друг	174
Именины	183
Сказки	185

Из цикла «Краткие рассказы»

На Базарной	191
Обреченный дом	192
Красные фонари	193
Телячья головка	195
Поросята	195
Свидание	196
Петухи	196
Муравский шлях	196
Марья	197
Людоедка	198
Полдень	198
Бродяга	198
Слезы	199
Капитал	199
Коренной	200
Комета	200
Стропила	200
Летний день	201
Канун	201
До победного конца	202
Сестрица	202
Письмо	203

Жизнь Арсеньева. Юность

Книга первая	204
Книга вторая	242
Книга третья	285
Книга четвертая	315
Книга пятая	346

Из книги «Темные аллеи»

Темные аллеи	438
Баллада	442
Муза	448
Поздний час	454
Руся	459
Красавица	468
Дурочка	469
Антигона	471
Смарагд	479
Волки	480
Галя Ганская	482
В одной знакомой улице	489
Речной трактир	490
«Дубки»	496
Холодная осень	500
Качели	504
Чистый понедельник	506
Часовня	519
Весной в Иудее	520
Ночлег	524

Рассказы последних лет

Жилет пана Михольского	532
Мистраль	535
Три рубля	537
«Un petit accident»	542
В Альпах	543
Легенда	543
«В такую ночь...»	544
Бернар	546

II

Из записей	551
Толстой	567
Рахманинов	578
Репин	579
Джером Джером	580
Шаляпин	581
Куприн	589
Чехов	594
Примечания	607

В ДЕРЕВНЕ

I

Когда я был маленьким, мне всегда казалось, что вместе с рождественскими праздниками начинается весна. «Декабрь — вот это зима», — думал я. В декабре погода, по большей части, суровая, серая. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета; солнца целый день не видно, и только вечером замечаешь след его, потому что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе... Да, это настоящая зима!

Я с нетерпением ждал святок. Когда в конце декабря я бегал по утрам в гимназию, видел в магазинах сотни блестящих игрушек и украшений, приготовленных для елок, видел на базаре целые обозы с этими зелеными, загубленными для праздника елочками, а в мясных рядах — целые горы мерзлых свиных туш, поросят и битой, ошипанной птицы, я с радостью говорил себе:

— Ну, теперь уж близко праздник! Скоро настоящая зима кончится, и дело пойдет на весну. Я на целые две недели уеду в деревню и буду там встречать начало весны.

И мне казалось, что только в деревне и можно заметить, что начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие светлые, солнечные дни. И правда, ведь в городе мы забываем о солнце, редко видим небо, а больше любуемся на вывески да на стены домов.

И вот, наконец, наступал давно желанный, радостный день. Вечером вдруг раздавался звонок в сенях нашей квартиры, я стремглав бежал в прихожую и наталкивался там на высокого человека в большой енотовой шубе. Воротник этой шубы и шапка на голове высокого человека были в инее.

— Папочка! — взвизгивал я в восторге.

— Уйди, уйди, я — холодный, — говорил отец весело, и действительно, от него так хорошо пахло морозной свежестью, снегом и зимним воздухом.

Весь этот вечер я не отходил от отца. Никогда я не любил его так, как в эти вечера, никогда не засыпал так сладко!

Я засыпал, упоенный мечтами о завтрашнем путешествии в деревню, и правда — это было веселое путешествие! Поезд быстро бежит среди ровных снежных полей, вагон озарен утренним солнцем. Белый дым волнующимися клубами плывет перед окнами, плавно упадет и стелется по снегу около дороги, а по вагону ходят широкие тени. Свет солнца от этого то будто меркнет, то снова врывается в окна яркими, янтарными полосами... Даже весело то, что в вагоне так много народу, так тесно и шумно!

Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда! Откинешься в задок саней, прикроешь глаза — и только покачиваешься и слышишь, как заливается колокольчик над тройкой, запряженной в протяжку, как визжат и постукивают на ухабах полозья. Коренник сеет иноходью, передние поджарые лошади, пофыркивая, несутся вскачь, комья снегу бьют в передок, а около саней, быстро-быстро, как змея, вьется длинный кнут кучера. Обернешься — и кажется, что полоса дороги выскальзывает из-под полозьев, бежит назад, в ровное снежное поле...

А потом — шагом по занесенным вьюгами лугам, под обрывами с нависшими тяжелыми снегами! Огромными раковинами завиваются внутрь гребни снеговых навесов. Ясно и резко отделяются их чистые, холодные изваяния от фока неба: небо снизу кажется темно-темно-синим! Пристяжные играют, на ходу хватают губами и отбрасывают снег...

— Балуй! — грозно кричит кучер, щелкает кнутом, — и опять постукивают сани на ухабах, и звонко заливается колокольчик под мерно качающейся дугою...

А между тем уже догорает короткий день; встали лиловые тучки с запада, солнце ушло в них, и наступает тихий, зимний вечер. Над посиневшими снегами залегает к востоку морозная мгла ночи. Сливается с нею вдаль снежная дорога, и мертвое молчание царит над степью. Только полозья тихо скрипят по снегу, и задумчиво позванивает колокольчик: лошади идут шагом. Овсянки бесшумно перелетают перед ними по дороге... Мужик на розвальнях пристал за нами где-то на перекрестке, и заиндевшая морда его шершавой, низенькой и бокастой лошадки, которая трусит рысцой за нашими санями, равномерно дышит теплым паром в мой затылок.

— Не наезжай! — раздается иногда голос нашего кучера среди мертвого молчания поля.

И мужик тоже что-то покрикивает, соскакивает на раскатах и снова бочком, на бегу, вваливается в свои дровни.

А кругом все темнеет и темнеет, и уже ночью въезжаем в знакомое село. Ночь темная, но звездная; мелкие звезды содрогаются острыми синими огоньками, крупные блещут переливчатым блеском разноцветных камней. На селе еще краснеют кое-где оконца в смутно чернеющих избах... В чистом, морозном воздухе звонко отдаются скрип ворот или лай собачонки...

И чувство глубокого довольства и покоя наполняет душу, когда, наконец, медленно въезжаешь на сугроб перед крыльцом освещенного и теплого деревенского домика!

II

— Но где же весна-то? — спросите вы.

А разве не весеннее радостное чувство наполняло душу за весь этот веселый, солнечный день нашего путешествия в деревню? Разве не с весенним чувством открывал я глаза, проснувшись на другое утро в детской?

В больших комнатах нашего старинного дома с утра всегда стоял синий полусумрак. Это оттого, что дом был окружен садом, а стекла окон сверху донизу зарисовал мороз серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками. Еще до чаю я успевал обегать все комнаты, осмотреть все эти рисунки, сделанные морозом за ночь, и даже — побывать в сенцах, где стоят лыжи.

— Папа, я пойду покатаюсь немного, — робко говорил а отцу тотчас после чаю.

Отец пристально смотрел на меня и с улыбкой отвечал:

— Ах ты, дикарь этакий! Настоящий вогул! Ведь еще холодно, нос отморозишь.

— Я только на минутку...

— Ну, если так, — беги!

— Я вогул, я вогул, — кричал я, подпрыгивая от радости и поспешно снаряжаясь в путь.

Резкий, морозный воздух так и охватит всего, когда выйдешь из дому. За садом еще холодно краснеет заря. Солнце только что выкатилось огнистым шаром из-за снежного поля; но вся картина села уже сверкает яркими и удивительно нежными, чистыми красками северного утра. Клубы дыма алеют и медленно расходятся над белыми крышами. Сад — в серебряном инее... Туда-то мне и нужно! И, став на лыжи, окруженный гончими, я спешил забраться в самую чащу, где можно с головой утонуть в снегу.

— Я вогул! — кричал я собакам, пробираясь по пушистому снегу к пруду под садом.

Там, на старых ракигах, до полудня держится густой, махровый иней. Весело отряхнуть его и чувствовать, как он осыпает лицо своим холодным пухом! А еще веселее смотреть, как на пруде работники прорубают проруби и баграми вытаскивают из воды огромные льдины. словно квадраты светлых горных хрусталей, сияют они на солнце, играя зеленоватыми и синими переливами...

К обеду солнечный день окончательно разыгрывается. С навеса крыльца падают капли. Как слоновою костью, блестят по деревенскому выгону отшлифованные ухабы дороги.

«Весна, весна близко!» — думаешь, прикрывая глаза под лаской солнца.

И весь день не хочется уходить со двора! Все радуется. Забрeдешь ли на двор, где около яслей дремлют, изредка глубоко вздыхая и раздувая бока, меланхоличные коровы, бродят похудевшие за зиму лошади и жмутся в кучу овцы; пройдешь ли на гумно и слышишь по дороге, как возятся и трещат воробьи в кустах акаций, как они вдруг снимаются всей своей шумной стаей и дождем сыплются на крышу риги, — все радуется... А на гумне, в затишьи скирдов и соломенных валов, забитых снегом, особенно уютно. Хорошо полежать под солнцем в омете, в соломе, которая так резко пахнет мышами и снегом!

И весь праздник проходил у меня в этом очаровании солнечными днями, в светлых грезх о близкой весне. Забудешь, бывало, об уроках, забудешь даже лыжи, и все сидишь в освещенной солнцем зале, все глядишь на далекие, снежные поля, которые уже блестят по-весеннему золотистою слюдою крепкого наста.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им.
Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66